

УДК 930.1(44)"19"

Н.Г. Костромина

ФРАНЦУЗСКИЙ ИСТОРИК И ФИЛОСОФ КЛОД ЛЕФОР О «ТОТАЛИТАРИЗМЕ»

Середина 1970-х гг. во Франции стала поворотным моментом в исследовании феномена тоталитаризма во французской исторической и политической мысли. К тому времени изучением тоталитаризма во Франции занималось небольшое количество учёных с либерально-консервативных позиций, но их труды из-за своеобразной «интеллектуальной атмосферы» (большое влияние марксизма) не были популярны. Поводом к «популяризации» изучения тоталитаризма явилась публикация в 1974 г. в Париже книги А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Одним из инициаторов этого процесса был известный французский историк и философ Клод Лефор.

Выступив в защиту Солженицына в 1976 г., Клод Лефор опубликовал работу «Сверхчеловек», которая посвящена размышлению об «Архипелаге ГУЛАГ» [2]. В её ницшеанском названии отражено отношение французского учёного к Солженицыну. Книга вызвала неоднозначную реакцию французского общества и явилась катализатором дискуссии по тоталитаризму среди историков и политологов Франции. Автор анализирует работу писателя, описывает трудности, с которыми тому пришлось столкнуться, создавая это произведение. При этом Лефор поднимает вопрос о политике, который «превышает границы того, что мы обычно называем политикой, так как она касается основных принципов общественной жизни и одновременно не отделима от философского вопроса» [2, 5]. Лефор оценил работу Солженицына как «критику тоталитаризма в описании фактов» [2, 7]. Большое значение этой книги он видит в том, что она «разбивает на куски витрину сталинского социализма» и показывает «реальную» жизнь, скрытую под «революционными» лозунгами. Эта книга, по словам Лефора, сообщает о том, что в СССР есть тюрьмы и трудовые лагеря. Ужас, который их сопровождает, существует постоянно, а не в исключительных случаях, и бюрократический режим играет огромную роль в этой системе. Популярность этого произведения, считает автор, неслучайна, так как «факты приходят из самой России», а написана она тем, «чьи свидетельство и знание о системе были неопровергимы» [2, 9]. Ни Суварин, ни Кравченко, ни Цилига, ни даже опубликованный в Лондоне в 1936 г. «Кодекс об исправительных работах в СССР», по мнению автора, не вызвали такого доверия у французской публики, как работа Солженицына.

Одновременно, в своей работе К. Лефор ставит перед собой цель распознать специфику тоталитаризма, так как даже «широкое распространение этого понятия не привело к его точно-

сти» [2, 5]. Он отмечает, что термин «теряет свой смысл, когда его безразлично применяют к коммунистическим и диктаторским режимам (например, режим Пиночета), какими бы отвратительными они не были, они не могут принадлежать одной модели» [2, 5]. Также он критикует исследователей, которые отвергают понятие «тоталитаризм», «даже когда имеют представление о характерных способах угнетения и эксплуатации заключённых в так называемых социалистических странах и остаются в рамках социологической теории (говорят о «бюрократическом обществе»), или экономической теории (сторонники «государственного капитализма»), или обеих одновременно» [2, 5]. К. Лефор критикует эти мнения и считает, что «анализ в социологических и экономических терминах недостаточно убедителен, а система может сохраниться и после того, как сталинская эра ужаса, экстремизма и идеологической мобилизации будет преодолена» [2, 6].

К. Лефор не может удержаться от критики французских левых интеллектуалов, которые, зная об ужасах сталинизма и преступлениях против человека в Советском Союзе, продолжают защищать СССР и относиться к нему, как к «привилегированному режиму: их отношение и анализ фактов не должны были никоим образом бросать тень на саму социалистическую Революцию» [2, 14].

Следуя размышлениям об «Архипелаге ГУЛАГ», Лефор знакомит читателей с лагерным механизмом «исправительной индустрии» и логикой тоталитарного господства [2, 24]. Особо важное место в этой системе, по его мнению, занимает «каноничность бюрократического языка» [2, 14].

Французский учёный исследует «логику тоталитарной системы» с различных точек зрения. Социологический анализ «групп людей в лагерях, отношений внутри советского мира, мышления бюрократических кадров», а также применения «героических примеров» приводит автора к мысли, что «в конечном счёте, эта социологическая картина широко основана на марксистской культуре» [2, 26]. Рассматривая политические аспекты советского режима, Лефор исследует «эффективность и границы идеологии». Ссылки на русский деспотизм, по его мнению, несостоятельны, так как контрастируют с абсолютно новыми аспектами режима, выкованными сталинизмом. Современный режим выживает и после исчезновения своего Хозяина» [2, 27]. К. Лефор отмечает наличие в советской системе некой универсальной цели, на которую фашистские и нацистские системы были не способны. «Никогда нацизм не «нагружался» такими идеями, как признание человека

человеком, интернационализм, бесклассовое общество» [2, 16]. Таким образом, учёный приходит к выводу, что «логика тоталитарной системы» создаётся «под воздействием коллективного труда и мифов полностью объединённого общества для его движения к универсальной цели» [2, 28].

В 1970-е гг. в Париже в «антитоталитарном фронте» пересекались мысли и традиции людей, которые в пятидесятые годы принимали участие в деятельности Конгресса за свободу культуры. Исходным пунктом интеллектуального антитоталитарного согласия, различного по своим политическим традициям, стала большая конференция в Париже 1976 года, организованная по поводу двадцатой годовщины восстания в Венгрии. Доклады и споры на конференции связывали опыт венгерской ситуации 1956 г. с анализом забастовочного и правозащитного движения в Польше. На конференции была продолжена дискуссия вокруг книги «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и поставлен вопрос о «модернизации» теории тоталитаризма.

С французской стороны в дискуссии приняли участие либералы и демократически настроенные учёные, такие как К. Кастроидис, К. Лефор, Ф. Фюре и Э. Морен. К. Лефор назвал конгресс: «Первой антитоталитарной революцией» [4, 13].

Центром дискуссии по тоталитаризму стал журнал «Esprit». Дебаты историков и политологов развернулись в основном, вокруг книги Лефора, посвященной анализу «Архипелага ГУЛАГа» А. Солженицына [1]. Её участники попытались по-своему осмыслить причины появления и сущность тоталитарного государства.

Статья К. Лефора «Вопрос революции» [3], вышедшая в девятом номере «Esprit», дополняет исследование своих коллег о связи Революции и тоталитаризма. Автор во многом соглашается с мнением Ф. Фюре о том, что революция «предполагает нарушение между старым и новым и, одновременно, нарушение баланса между добром и злом, рациональным и нерациональным» [3, 207].

Работа «антитоталитарного фронта» получила большой резонанс и активизировала научные разработки во всех областях, касающихся изучения тоталитаризма.

Проблемы демократии и тоталитаризма нашли своё отражение в работах К. Лефора, вошедших в сборник «Демократическое изобретение. Границы тоталитарного господства» [5]. По мнению автора, чтобы понять тоталитаризм, сначала необходимо определить место и роль: «прав человека и политики», «логики тоталитарной системы», «Стилана и сталинизма», «загадку союза левых», «изображения тоталитаризма». Сравнивая между собой режимы демократические и тоталитарные, он приходит к выводу, что демократические режимы наиболее жизнеспособны и потому предпочтительны. Единственной альтернативой тоталитаризму является демократия. Даже, несмотря на то, что большинство тоталитарных режимов пришло

к власти, именно погубив демократию. Лефор считает неизбежным переход от тоталитаризма к демократии, хотя пути и методы перехода могут быть различными.

Размыщение о правах человека и политике в современном мире приводит К. Лефора к мысли, что понятие «права человека» перестало быть номинальным или эмпирическим, особенно для людей, вышедших из «тоталитарного плена» [5, 51]. Он критикует тех, кто, увлекаясь борьбой за права человека, не обращает внимания на политику и, по его мнению, не видит очевидной разницы между демократией и тоталитаризмом. тех, кто безоговорочно отстаивает идею о том, что режим в СССР является «глобально положительным» [5, 49].

Подводя итог своим размышлениям о равенстве и свободе, гарантом которых якобы выступало советское государство, автор отмечает, что «опыт тоталитаризма бросает зловещий свет на слабости такой интерпретации. Тоталитаризм создается на руинах прав человека, человек оказывается под этим режимом, разъединенным и отделенным от коллектива, каким он не был никогда в прошлом» [5, 53]. «Политика и права человека составляют два полюса одной иллюзии» [5, 54] – считает он.

В 1980-е гг. в работе «Тоталитарная логика» Лефор продолжил изучение специфики тоталитаризма [6]. Исследование тоталитарной системы, которое он наметил в работе «Сверхчеловек», было дополнено её более тщательным анализом.

К. Лефор отмечает, что изучение тоталитаризма началось в межвоенный период и, в основном, было привилегией учёных и публицистов, которые «одинаково осуждали фашизм, национал-социализм и большевизм» [6, 85-86]. В отличие от учёных «левой» ориентации, Лефор считает, что холодная война, начавшаяся после второй мировой войны, способствовала изучению тоталитаризма, поскольку его «разоблачение обрело новый размах и мобилизовало широкое либеральное течение. Суждение Лефора о том, что коммунистическая форма тоталитаризма «была более разработана и более завершена, чем те, которые были разрушены: фашизм и национал-социализм» представляется правомерным [6, 86]. Однако мы не можем согласиться с утверждением Лефора, что она имела (с ними) «те же основания и преследовала аналогичные цели» [6, 86]. Нелепость этого утверждения представляется очевидной. Более того, оно противоречит его более ранним оценкам сравнимости фашизма и коммунизма.

По мнению автора, критика тоталитаризма нуждается в новой концептуализации: «политической», которая «расшатала бы основания социалистической мысли» [6, 95]. При этом он отмечает, «чтобы определить логику этой системы необходимо рассмотреть период, в котором новая власть стабилизировалась, новая бюрократия полностью

образовалась, материальные основания режима были установлены благодаря отмене частной собственности на средства производства, колективизации и планированию» [6, 98]. Важными в постижении тоталитарной логики, как считает К. Лефор, являются «два фактически неразрывных тоталитарных момента: аннулирование признаков деления государства и общества и аннулирование общественного деления», благодаря которым происходит «свержение демократической логики» [6, 99, 100]. Исследование этих признаков позволяет определять переход к тоталитаризму и его своеобразие.

Тоталитаризм левого варианта, согласно выводам учёного, предполагает концепцию общества, которое самодостаточно. «Процесс идентификации между властью и обществом, процесс выравнивания общественного пространства, процессы закрытия и общества, и власти соединяются, чтобы создать тоталитарную систему» [6, 100–101]. Важное место в этой системе отводится «идеологической матрице», состоящей из «ключевых представлений» об обществе, власти, организации, внешнем враге и других, которые подкрепляются верой в постоянное строительство социализма, видением «сияющего будущего», оправдывающих все настоящие действия. Любые нововведения недопустимы, так как они могут нарушить «реальное» положение дел. В этом смысле, считает Лефор, история «написанная» коммунистическими авторами абсолютно противоречит «действительной истории» [6, 103]. Автор приходит к выводу о том, что любой исследователь, растворившийся в одном большом «мы» (как это было у коммунистов) может не понимать, как осуществляется логика тоталитарной власти [6, 105].

Главная причина «ослепления» «левых» Запада коммунистическим вариантом тоталитаризма, считает автор, скрывается в отвращении ко всем организационным формам, созданным фашизмом. Учёный с сожалением отмечает, что «парализованные справедливой критикой мещанского индивидуализма, критикой разобщенности ролей и деятельности (в либеральном обществе – Н.К.), они не могут приобщить к ней противоположную критику: демонтировать фикцию единства, тождества (при коммунизме) и показать, что она также приводит к изоляции индивидов, подталкивает их к её наиболее высокой степени, к неистовому разрушению человеческой общительности» [6, 105–106].

В 1986 г. в Париже выходит большая работа К. Лефора «Политические очерки XIX – XX века» [7], которая включает в себя исследования на темы современной демократии и тоталитаризма, свободы и революции. Большое место в его произведении уделяется наряду с изучением истоков тоталитаризма, объективной оценке опасности этого явления в современном мире.

В своей работе он дает развёрнутую характе-

ристику тоталитаризма, прежде всего как политического феномена. Ученый на основе анализа работ Х. Арендт, А. Токвиля, Ф. Фюре и других, а также исторического развития детально изучает корни появления тоталитарного господства, которые возникают из «двусмысленности демократии» или точнее из «двусмысленных последствий» того, что рассматривалось как движущая сила демократической революции: «равенство условий» [8, 38]. Соглашаясь с тем, что эволюция демократических обществ сделала возможным появление «новых систем господства – идет ли речь о фашизме, нацизме или социализме», автор категорически против применения некоторыми учёными термина «тоталитарная демократия» [8, 41]. Это «явная нелепость», отмечает он, так как формирование этой системы включает разрушение демократии. Тоталитаризм, считает он, означает «не только разрушение политической свободы, он ломает динамику опекунской власти или провиденциального государства. Каковы бы ни были черты нового режима, будь он фашистским, нацистским или сталинским, устанавливается ли он в русле советского социализма или под притягательной силой этой модели в Европе, Китае, Корее, во Вьетнаме или на Кубе, не принципы благосостояния управляют развитием государства» [8, 42]. При этом он отмечает, что «формирование власти тоталитарного типа, свободной от соперничества, означает не только конец политических свобод, но и самих гражданских свобод» [8, 51].

Не последнее место в формировании и становлении тоталитарного общества занимает так называемый «тоталитарный менталитет». Изучая рождение «революционного менталитета», а затем перерождение его в «тоталитарный», Лефор вынужден отметить закономерность этих процессов. Причинами рождения «тоталитарного мышления», а затем и укрепления его учёный видит: во-первых, в формировании государственных основ под лозунгом «создания нового человека»; во-вторых, в превращении общественных норм поведения в нормы личностных отношений; в-третьих, в усилении пропаганды (внушения) необходимого образа жизни и стремлений каждого, отдельно взятого индивида; в-четвертых, в соответственном изменении законодательства; и так далее. При этом на протяжении всего периода, параллельно с введением выше перечисленных процессов, идет формирование сильного бюрократического аппарата, обязанного следить за реализацией каждого из процессов. Когда все эти процессы реализуются тогда, по мнению автора, и развивается «фантазм единого народа», что в последствии и приводит к «тоталитарному мышлению» [8, 49].

К. Лефор настаивает на том, что при анализе тоталитарного феномена необходима связь политики и истории. С его точкой зрения можно согласиться, так как действительно в тоталитарном режиме все общественные сферы, и экономика, и

наука, и юстиция политизированы. Партийные установки проникают в каждую область, а общественные интересы ставятся выше частных. Он прав и в том, что тоталитаризм нельзя путать с тиранней, потому что в тоталитарном режиме действие составляет господствующую ценность, так как народ должен быть мобилизован, и находиться всегда в движении для осуществления задач, представляющих общий интерес. Это также режим, в котором царит система понятий. То, что режим представляется революционным, так как «он делает из прошлого чистую доску («*tabula rasa*») и отдается созданию «нового человека» [8, 68], можно принять с оговоркой (только на начальном этапе – Н.К.).

Главную опасность учёный видит в том, что тоталитаризм не вытекает из изменения в способе производства. Современный тоталитаризм возникает именно из политической мутации, мутации символического порядка и роста высокой степени техницизма и «организма» (заорганизованности) общества [8, 20]. Тем самым Лефор дал новый толчок к размышлению о путях предотвращения новых форм тоталитаризма.

Работы К. Лефора способствовали формиро-

ванию новых взглядов на проблему тоталитаризма и демократии. Учёный показал, что только на фоне тоталитаризма демократия приобретает новую рельефность. Он доказал важность исследования не только тоталитаризма, но и демократической формы общества, так как это помогает понять, что «составляет ее оригинальность, и что в ней подготавливает ее перевертывание, наступление тоталитарного общества» [8, 22].

Работы К. Лефора играют важную роль в изучении феномена тоталитаризма, так как заставляют взглянуть на эту проблему с точки зрения политики и политической социологии. Его утверждение о том, что только демократия является альтернативой тоталитаризму, имеет реальные примеры в истории. В то же время, есть и примеры, когда альтернативой тоталитаризму становился авторитаризм (режим Франко, например, или латиноамериканские правления), и здесь ещё существует достаточное поле для осмысливания опыта демократии и тоталитаризма. Что касается понятия «тоталитарная логика» как антитезы «демократической логики», то оно заняло достойное место в научном лексиконе, применяемом для характеристики тоталитарных режимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Esprit, № 7-8, 1976.
2. Lefort C. Un homme en trop. - Paris, 1976. – 256 p.
3. Lefort C. La question de la Révolution. // Esprit, № 9, 1976, p. 206-212.
4. Lefort C. La première antitotalitaire// Esprit révolution, № 1, 1977, p. 13 -27.
5. Lefort C. L'invention démocratique. Les limites de la domination totalitaire. - Fayard, 1981. – 348 p.
6. Lefort C. La logique totalitaire. // L'invention démocratique. Les limites de la domination totalitaire. – P.: Fayard, 1981, p. 85–106.
7. Lefort C. Essays sur le politique XIX-XX siecles. - Paris, 1986. – 364 p.
8. Лефор К. Политические очерки XIX – XX века. - М., 2000. – 368 p.

□ Автор статьи:

Костромина
Надежда Георгиевна
- асс.каф.новой, новейшей истории и
международных отношений КемГУ

УДК 94(430).087“1945/1948”

А.В. Равнюшкин

КТО «РАСКОЛОЛ» ГЕРМАНИЮ: О ПОЗИЦИИ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1945 – 1948 гг. ПО ГЕРМАНСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

Еще в начале второй мировой войны Великобритания стала разрабатывать проекты по обустройству новой Германии. Среди органов государственной власти Соединенного Королевства именно министерству иностранных дел («Форин Оффис») принадлежала ключевая роль в определении послевоенной судьбы немецкого народа.

Первый документ о будущем Германии предложил главный дипломатический советник анг-

лийского МИДа в 1938-1941 гг. Р. Ванситтарт, который предусматривал полное устранение Германии как политической силы в Европе. В 1942 году юридический советник «Форин Оффис» У. Малкин занимался вопросами реституции, репараций, а также выработкой контроля немецких вооружений. Сотрудник МИДа Д. Харрисон считал, что для управления послевоенной Германией следует привлечь бывших деятелей нацистского